

⁴ Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка, составленная по поручению Совета университета. СПб., 1870.

⁵ Любимов Н.А. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава (мнение, заявленное автором в Совете Московского университета) // Русский вестник. Т. 103. 1873. № 2. С. 889.

⁶ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 3. М., 1956. С. 214.

⁷ Подробнее см.: Котов А.Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 65.

⁸ Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.

Дмитрий Андреев

Рец. на: Б.В. Никольский. Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1: 1896–1903. 704 с. Т. 2: 1904–1918. 656 с.

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: B.V. Nikolsky. Dnevnik. 1896–1918 / Ed. by D.N. Shilov, Yu.A. Kuzmin. Saint Petersburg, 2015. Vol. 1: 1896–1903. Vol. 2: 1904–1918

Русский дореволюционный политический консерватизм представлял собой очень пёстрый, разнообразный и во многом противоречивый конгломерат идей, представлений, позиций. Этим он разительно отличается от исторически противостоявшего ему либерализма, который — при всём обилии своих оттенков — тем не менее был несопоставимо более однообразным и соответствовавшим своему западному прообразу. Первые изданный целиком дневник видного представителя консервативного лагеря Б.В. Никольского (1870–1919) является ценным источником для исследователей общественной мысли и политической истории России конца XIX — начала XX в. Борис Владимирович на протяжении нескольких десятилетий находился в эпицентре важнейших событий, происходивших в стране. Юрист по образованию, он преподавал в Петербургском университете, в Училище правоведения, в Военно-юридической академии, на Высших женских курсах, был известным журналистом и литературным критиком с обширными связями и знакомствами, участвовал в деятельности «Русского собрания», а затем Союза русского народа, с 1905 г. и до падения самодержавия в 1917 г. активно вращался в высших сферах, регу-

лярно общаясь с влиятельными сановниками.

Дневник отразил специфические особенности мировоззрения Никольского. Как и всякий дореволюционный консерватор, он был убеждённым монархистом, хотя и не вполне типичным. Он не доверял дворянству и называл его «неслужащим служилым сословием» (т. 1, с. 67), подрывающим основы самодержавной государственности своими конституционалистскими устремлениями. Ему казалось, что это сословие «конечно», а его «уничтожение» должно привести к «страшному усилению самодержавия» (т. 1, с. 59, 119). Свои надежды автор дневника связывал с духовенством, обладающим, в отличие от дворянства, «сильным словесным чувством и сословным достоинством», а потому являющимся «более цельным и ценным» для государства. По мысли Никольского, следовало улучшить быт духовенства, снять с него архаичные и неоправданные ограничения, после чего ему можно было бы смело верить народ (т. 1, с. 59–60). В духовенстве он видел «культурную силу», способную активизировать приходскую жизнь и не только совершать богослужения, но и заниматься решением многочисленных

социальных и повседневных проблем паствы (т. 1, с. 63–64).

Своим политическим идеалом Никольский признавал «самодержавную, православную, простонародную Россию» (т. 1, с. 66) и утверждал, что «империя должна быть самодержавна и демократична» (т. 1, с. 119). При этом идея революции не вызвала у него отторжения. Он был убеждён в том, что революционное начало не противоречит самодержавной государственности, а варианты революционной политики «бесконечно разнообразны» и могут проявляться в диапазоне «от террора до освобождения крестьян». По его мнению, именно революцией, причём «всего лучше — сверху», в России должен разрешиться аграрный вопрос (т. 1, с. 66). В 1897 г. Никольский думал, что конституционалистские мечтания уже в прошлом, «мода столетия миновала», «издохшей конституции» требуется «смена», а радикальный социализм мог бы «идти на компромиссы с монархией» как столь же «радикальным образом правления» (т. 1, с. 106). Борис Владимирович писал, что «Россия природой и Богом предназначена быть социалистической державой без рабочих», в которой «мелкий землевладелец сидит на земле, исключительно ею владея» (т. 1, с. 111), а сословный строй поддерживает «порядок, леонтьевски изящную, пёструю, красивую организацию». Ею обеспечивались бы «и строгость, и стройность, и твёрдость, и сила» без «подлой эгалитарности» (т. 1, с. 499).

Никольский много размышлял о том, каким должен быть монархический строй. Воспринимая как благо «централизацию власти и децентрализацию ответственности» (т. 1, с. 119) и исходя из того, что «все наши неурядицы в области публичных отношений зависят от гражданских теорий», он в 1899 г. изложил на страницах дневника принципы собственной «новой теории власти» (оценивая это как свой «крупный успех»). «Власть едина и единолична, — рассуждал Борис Владимирович. — Теория народоустройства верна в основе. Источник власти — народ. Ему нужен представитель, т.е. неограниченный и самодержавный монарх. Но теперешняя теория говорит: ему нужны представители (конституционализм), или же: монарху нужны представители (монархический бюрократизм). Я же отрицаю и то

и другое. Монарх — только представитель народа; но и только монарх представитель народа. Передоверие представительства невозможно. *Возможны только мандаты* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в тексте Никольским. — Д.А.). Власть *поручается*, но не *доверяется*. Если бы власть доверялась, то за доверенного отвечал бы доверитель: т.е. за чиновника — монарх (а он безответствен), за депутата — народ (а он неотвествен). Напротив, при поручении власти отвечает мандатарий». Соответственно — при «идеальном государственном устройстве» — «власть основывается на представительстве народа монархом и на мандатах монарха». При этом «мандатарий может всё, что должен (о, Кант!); но отвечает сам за всё, что сделал». Более того, «и у монарха есть мандат: царь — мандатарий Божий. Монарх — помазанник. Таким образом, власть мгновенно ограничивается в неограниченной монархии». А уже «от монарха идёт лестница мандатов»: «У царя мандатарии только министры да губернаторы. У них уже мандатарии — директора и т.п. ... Начальник сам назначает себе подчинённых и предоставляет им за их собственной ответственностью назначать себе своих. Каждый отвечает только за того, кого сам назначил». Однако «ответственность подымается в прямом восходящем порядке». Похоже, Никольский искренне надеялся, что этим «в управление вносится механическая ясность и отчётливость; суд охватывает все отношения гражданского общества; законность торжествует и всякий порок наказан» (т. 1, с. 255).

Фактически эта «новая теория власти», в чём-то созвучная идеям А.С. Хомякова, кардинально расходилась с представлениями о *Dei gratia* (Божией милостью, *лат.*), в соответствии с которыми источником легитимности монарха считался не какой-либо договор с народом, а исключительно и непосредственно Божий Промысел. Из этой «теории» логически вытекали и позднейшие умозаключения Никольского о «принципах монархизма» и границах лояльности. «Что же должен монарху гражданин? — спрашивал он себя в дневнике летом 1913 г. — Всё, что должен верховной власти в своём отечестве, и всё, что должен как христианин в отношении человека, лишь бы не в ущерб интересам отечества. Но никогда

гражданин монарху не должен того, что должен отечеству; иначе он будет не подданный, а холоп; а требующий иного монарх будет не монарх, а деспот или злодей» (т. 2, с. 128).

Приоритеты государственности и взаимной служебной ответственности всех сословий определяли отношение Никольского к происходившему в Российской империи. Например, как и другие консерваторы, он критически отзывался о земстве, но несколько иначе, нежели большинство его единомышленников, усматривавших в местном самоуправлении опасный для самодержавия зародыш конституционализма. Никольский же сетовал на то, что земство придумало правительство, «не знавшее, как ему организовать миллионы новорождённых граждан». В результате всё пошло не так, как ожидалось, образовался хаос, а уже в него влилась «зловонная струя нигилизма» (т. 1, с. 67). «Земство просится в чиновники», — отмечал Никольский, допускаявший сохранение земских учреждений в качестве «черновой организации». Однако всё «созданное прочно», по его мнению, следовало у них изымать и огосударствлять, и тогда земство «умрёт своей смертью, как теперь умирает дворянская организация» (т. 1, с. 68).

Но если в своих теориях Никольский был довольно оригинален для консервативного круга той эпохи, то в отзывах о самом монархе — Николае II — он выделялся скорее некоторой иступлённостью и несдержанностью выражений. Убийственные характеристики последнего российского императора появляются буквально с первых страниц дневника. «Государь, конечно, очень мил, и мне в нём это нравится, — писал Никольский в мае 1897 г., — но он, прости ему, Господи, непроходимо глуп и потому не различает, когда он мил на свой счёт, а когда на счёт государства... Александр I тоже своим благородством блистал, да России непоправимого зла натворил. Николай II вообще повторяет отчасти царствование Александра I без либерального начала» (т. 1, с. 74). По его словам, «иноземная династия много зла принесла России и до сих пор ещё с Россией не породнилась», поскольку «это прививной род и ещё не скоро он сольётся с кровной русской знатью», у него нет «ни капли русской крови и никаких русских традиций, кроме самых немногих, созданных Александром III». «Да и эти

традиции, — полагал Никольский, — в сущности являются лишь системой политического упрямства. Спасибо, конечно, и за это; но нужно *дело*, нужно *творчество*» (т. 1, с. 60).

«Новое царствование», длившееся к тому времени уже два с половиной года, Борис Владимирович характеризовал как «слепое охранение», которое легко может перейти в «слепое брожение». «И будущего, будущего нет и не видно, — сокрушался молодой юрист, не находивший тогда себе места ни на службе, ни на кафедре, ни в публицистике. — Какая-то беспредельная историческая рассрочка, начинающая превращаться в текущее положение дел. Печально это. И всего мне печальнее — моё одиночество. Дух века дует не туда, куда я гляжу... Одно скажу как последний мой вывод: будущее для России неизмеримо опасней и страшнее настоящего» (т. 1, с. 60).

Никольский не раз резко противопоставлял время Александра III, который «был достаточно благороден, чтобы сознательно служить идее монархизма», и «подготовил почву для гениального инициатора, для укрепителя и строителя сильной России», правлению его преемника: «Теперь инерция благонравия. Эта инерция уже государственное бедствие» (т. 1, с. 174, 104). В данной обстановке он опасался, что «тупоумие дойдёт до серьёзных пошлостей, до искания “популярности” ценою “уступок”... до шкурно-династического заигрывания с либеральничающей сворой». «Где крепкие плечи, где честная душа Александра III? — вопрошал автор дневника, надевавшийся на “вечную победу монархической реакции”. — Нам нужен грозный самодержавный преобразователь, нам нужен новый Пётр: могучая воля, смелый ум, какой-нибудь железный сам-самыч, который поворотил бы ход истории» (т. 1, с. 174). А результатом этого поворота стало бы «изгнание конституционалистической двойственности нашего государственного строя, идущей от Петра и Екатерины» (т. 1, с. 490).

С годами раздражение императором у Никольского неуклонно нарастало. «Тяжело приносить жертвы за неразумие монарха», — скорбно комментировал он 2 марта 1901 г. кончину министра народного просвещения Н.П. Боголепова, смертельно раненного террористом (т. 1, с. 474). В начале

1902 г. в дневнике вновь констатируется «бездарность царствования»: «Боже, царя храни, но спаси Россию» (т. 1, с. 543). В апреле 1902 г., после убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина, которого Никольский считал «единственным твёрдым, честным и смелым человеком» из всех министров (т. 1, с. 503), автор дневника восклицал: «Великое народное бедствие и тяжкое бремя для верных подданных бездарность монарха» (т. 1, с. 572). Ходынская катастрофа кажется ему уже «вещим знамением» (т. 1, с. 572). В августе 1902 г. вновь говорится о том, что «когда ничтожество царствует, то царствует ничтожество» (т. 1, с. 595). Год спустя, узнав об отставке С.Ю. Витте с поста главы финансового ведомства, Борис Владимирович не преминул заметить, что «зависть ко всякому энергичному министру — худший из пороков монарха и худшее из бедствий в государстве». Ему трудно было смириться с тем, что «теперь спрос на бездарность» (т. 1, с. 627).

В начале 1905 г. в жизни Никольского произошла важная перемена — он попал в секретари к члену Совета министра внутренних дел и старосте Исаакиевского собора генералу Е.В. Богдановичу, в доме которого располагался известный салон, где регулярно бывали представители бюрократической элиты. Благодаря новому кругу общения яркие публицистические выступления Никольского были замечены в правительственных сферах, а министр народного просвещения В.Г. Глазов даже устроил ему 2 апреля 1905 г. аудиенцию у императора. Встреча с царём подробно описана в дневнике. «Нервность его ужасна, — отметил Борис Владимирович. — Он, при всём самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста». Монарх показался Никольскому «хилым работником», вынужденным «неуверенно, шатко, тревожно» нести «какую-то непосильную ношу». При этом «в нём всё время светится Александр III, но не может воплотиться». Судя по дневниковой записи, аудиенция фактически вылилась в монолог консервативного публициста о необходимости самодержавия для России. Ответные реплики Николая II были вполне предсказуемыми, краткими и малоинформативными, только на весьма прозрачный выпад против Витте царь понимающе

отреагировал смехом — «немного хитрым» и «чрезвычайно довольным». В своей речи Никольский прямо заявил, что император — «выборный всей земли Русской». Едва ли подобное мнение соответствовало взглядам Николая II, однако «хозяин земли Русской» не только не проявил недовольства словами своего гостя, но даже сказал: «Совершенно верно. Как это глубоко и верно!» (т. 2, с. 47–50).

Аудиенция, видимо, всё же переживалась автором дневника очень эмоционально, и когда она завершилась без каких-либо последствий, не оправдав возлагавшихся на неё смутных надежд, Никольский не мог скрыть разочарования. Через две недели он записал, что «царя *органически* нельзя вразумить», поскольку «он хуже чем бездарен» и представляет собой «полное ничтожество». «Одного покушения теперь мало, чтобы очистить воздух, — заключал Борис Владимирович. — Нужно что-нибудь сербское». В данном случае подразумевалось убийство заговорщиками в 1903 г. сербского короля Александра I Обреновича, его жены и двух министров (т. 2, с. 55). При этом Никольский не таил своих мыслей. В мае 1905 г. он открыто говорил в салоне Богдановичей, что после поражения в войне с Японией и в условиях нарастающей внутренней смуты единственный выход — «переменить династию» (т. 2, с. 58). Эта мысль, в тех или иных вариациях, высказывалась им на протяжении всех последующих лет — вплоть до Февральской революции.

В дневнике Никольского приведено великое множество политических слухов, многие из которых оказывались правдоподобными, что свидетельствует об информированности и чутье автора. Так, он проницательно связал резонанс, вызванный студенческими беспорядками зимы 1899 г., с конфликтом между Витте и Боголеповым (т. 1, с. 286, 288)¹. Со слов своего коллеги по университету барона А.Ф. Мейендорфа, жена которого была близка к семье П.С. Ванновского, Борис Владимирович приводит «достоверные известия» о причине отставки министра народного просвещения: «Государь прямо написал ему, не лучше ли, де, им расстаться?» (т. 1, с. 573). По сути так оно и было — с тем лишь отличием, что император сделал это предложение устно. 6 апреля 1902 г. Николай II записал

в дневнике: «Во время доклада Ванновского объяснил ему, что ему лучше уйти ввиду трудности для него дела переустройства сред[ней] школы»².

Чрезвычайно интересны рассказы Никольского о беседах с влиятельными современниками и те оценки, которые он им давал. Например, вел. кн. Константин Константинович, с которым автор дневника познакомился летом 1898 г. во время подготовки к изданию сочинений А.А. Фета, представлен как «очень добрый, хороший и наивный сердцем человек», «взрослый ребёнок», «глупый и мелочный» (т. 1, с. 225, 550). 27 февраля 1905 г. Никольский, обедая с А.Г. Булыгиным, недавно возглавившим МВД, предложил ему «обезвредить» подписанный императором 18 февраля рескрипт: не создавать новое представительное учреждение, а собирать выборных от случая к случаю в комиссии при Государственном совете. Булыгин отнёсся к этому настороженно, сославшись на общественные ожидания, и произвёл на собеседника двойственное впечатление. «Мне он *лично* понравился, — признавался Борис Владимирович, — спокойный, весёлый, сытый — *прочный* человек; но не министр внутренних дел в России сейчас. Его энергия — энергия прочной и благодушной посредственности. Не то нужно» (т. 2, с. 33). В феврале 1913 г., встретившись с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, Никольский охарактеризовал его как «несомненно случайного человека», который «болтлив, самонадеян, поверхностен, беспокоен, старается хитрить и хитрит убийственно слабо». Николай Алексеевич намеревался сплотить правых, но тот же Никольский не желал объединяться с А.И. Дубровиным, испытывая к нему резкую антипатию (т. 2, с. 121–122).

А вот о беседе с В.Н. Коковцовым летом 1913 г. Никольский писал гораздо более проникновенно. Председатель Совета министров «говорил умно и верно» (хотя и «кокетничал», поскольку «сочувствие правых ему теперь нужнее, чем когда-либо»), сожалел о собственном политическом одиночестве и высказывался «удивительно верно и здраво о глупости Столыпина, о его подлых политических подкупах, о наивности, с которой тот принимал всерьёз всех этих правых, левых и средних шарлатанов, о безнадёжности династии, о том, что за

Россию он не боится, но на спасение династии не рассчитывает» и «давать денег всем этим шантажистам справа не будет» (т. 2, с. 123–124).

С 1912 г. на страницах дневника всё чаще встречаются упоминания о Г.Е. Распутине. Никольский, используя возможности Богдановича, активно боролся со «старцем» и даже организовал за ним «наблюдение» в Тобольске, получив ценную информацию (т. 2, с. 71). 23 ноября он лично встретился с Распутиным. «Ясно видно, — излагал Борис Владимирович свои впечатления в дневнике, — что это полный психопат, хищный зверь в образе 40–50-летнего степенного, слегка дурашливого, но бесконечно хитрого, гладко-гладко причёсанного мужичка». Вместе с тем «он актёр, но не балагур, как убийцы, а вешун; вместо зверской, лисьей гримасы душителя или разбойника, режущего свои жертвы, он делает гримасы проникновенного, загадочного экстаза». Со своей стороны, Никольский сначала настраивал Распутина против министра внутренних дел А.А. Макарова, а затем стал дозировать сообщать ему сведения, из которых следовало, что к удалению «старца» из столицы был причастен лично Николай II (т. 2, с. 109–112). Но менее чем через три месяца Никольский с раздражением отметил, что «Григорий Ефимович в такой силе, как никогда», и «с наследником неразлучен» (т. 2, с. 121). А в конце октября 1913 г., когда Богданович получил от царя недвусмысленное распоряжение «больше о Распутине не писать», Борис Владимирович констатировал: «Распутин бесповоротно забрал полную власть и силу» (т. 2, с. 167–168).

Борьбу со «старцем» Никольский не прекратил и после кончины Богдановича. В феврале 1916 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов рассказал ему о своих безуспешных попытках донести до Николая II факты распутинского «бессознательного шпионства в пользу немцев». По словам Хвостова, «болтая спьяну всё, что видит у царя и слышит от него», Распутин представлял несомненную угрозу. Министр передал императору «документы, не оставляющие сомнений», но тот только «плакал». Никольский же считал, что «не в Гришке дело»: «Старая жидовско-масонская интрига забрала в свои щупальцы всю гниль, в которой живёт несчастный неврастеник

с глухонемотой душой, и сеет рознь и смуту». В то же время автор дневника утверждал, что единственное посещение Николаем II Государственной думы, состоявшееся 9 февраля 1916 г., «Гришка проектировал уже более двух месяцев» (т. 2, с. 245). В данном случае Никольского явно подвели его информаторы.

Не менее ценные сведения содержатся в дневнике о бурной жизни российской прессы конца XIX — начала XX в. Дневник Б.В. Никольского является своего рода путеводителем по всем наиболее резонансным

публикациям тех лет, что превращает его в надёжное подспорье для изучающих эпоху заката Российской империи.

Примечания

¹ Подробнее см.: Андреев Д. А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 59—68.

² Дневники императора Николая II (1894—1918). Т. 1. М., 2011. С. 655.

Жанна Артамонова

Рец. на: О.Л. Лейбович. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017. 317 с.*

Janna Artamonova

(Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

Rec. ad op.: O.L. Leibovich. Okhota na krasnogo direktora. Perm, 2017

Новое исследование известного пермского историка О.Л. Лейбовича посвящено событиям, хорошо известным в научной литературе¹. Первый Московский открытый процесс (август 1936 г.) стал началом массовой кампании по искоренению «троцкистско-зиновьевского подполья», которая коснулась директоров многих крупных предприятий. Несмотря на резкое обострение политической обстановки, нарком тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе удалось защитить их и приостановить репрессии в своём ведомстве. Однако его заступничество лишь на время, до января 1937 г., отсрочило готовящиеся аресты.

В связи с рассекречиванием в последние десятилетия крупных комплексов архивных документов возможность и необходимость изучения этой темы стали очевидны, тем более что до сих пор она не становилась предметом специального исследования, а представления о событиях тех лет остаются довольно поверхностными. Поэтому выход рассматриваемой монографии можно только приветствовать. Стоит отметить и то, что её автор хорошо известен в научном

сообществе своими глубокими, оригинальными и даже новаторскими исследованиями. В сферу его научных интересов входят повседневная жизнь российской провинции в 1930—1950-х гг., ментальные структуры и межличностные отношения. Много сделано Лейбовичем и в теоретическом осмыслении этих проблем, разработке методов работы с источниками и подходящего концептуального аппарата.

Замысел новой книги складывался постепенно, в ходе многолетней работы автора и его коллег с фондами Пермского государственного архива новейшей истории. Комплекс использованных материалов включает переписку участников событий, правленные и направленные стенограммы партийных собраний, доносы, воспоминания, архивно-следственные дела и протоколы допросов. Но исследования Лейбовича выгодно отличает не только глубокая фундированность, но и обстоятельный источниковедческий анализ. Дотошно, с мельчайшими подробностями автор изучает историю создания документов, оценивает достоверность

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00243.